

С. А. МИРОНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ
НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ*(Система склонения)*

Одной из насущных задач современной диалектологии является изучение в сравнительном плане общих закономерностей и основных тенденций развития грамматического строя диалектов того или иного языка. Каждый диалект, характеризуясь как целостная система рядом отличительных особенностей по своему звуковому и лексическому составу и по своему грамматическому строю, обнаруживает тем не менее много сходных черт с другими близко родственными диалектами и с возникшим на их базе литературным языком. Сходство это обусловлено как единством происхождения, так и общностью исторических путей и внутренних закономерностей их развития.

Характерно, что наибольшая общность и единство между диалектами одного языка проявляется именно в сфере грамматического строя как основы их языковой структуры. С другой стороны, максимальные различия между ними проявляются, как правило, в сферах их звукового и частично словарного состава. Как общие, так и отличительные черты морфологического строя диалектов раскрываются лишь при сравнительно-историческом их изучении, при сопоставлении и обобщении данных монографических описаний отдельных диалектов и при учете общих тенденций развития строя данного национального языка.

Те или иные частные особенности и различия между диалектами в сфере их морфологического строя свидетельствуют о разнообразии путей и способов реализации общих закономерностей, обусловленном спецификой звуковой и морфологической системы того или иного диалекта.

Задача построения сравнительной грамматики диалектов и выявления общих тенденций развития их морфологического строя представляется весьма актуальной и для немецкой диалектологии. В многочисленных монографиях, посвященных описанию различных немецких диалектов, морфологические особенности (которым уделяется, как правило, значительно меньшее внимание, чем фонетическим) даются обычно в формально-статическом плане, весьма схематично и изолированно, без должного обобщения и вскрытия внутренней динамики исторического развития грамматического строя. Авторы этих работ, содержащих богатый фактический материал описательного характера, не делают из него принципиальных выводов относительно общих тенденций развития строя немецких диалектов. С другой стороны, для представителей школы немецкой диалектографии характерно рассмотрение тех или иных грамматических особенностей диалектов изолированно, как отдельных изоглосс, в отрыве от системы диалекта в целом. Иначе говоря, каждый диалект трактуется не как целостная система, имеющая свои отличительные морфологосинтаксические признаки, а как комплекс разрозненных грамматических явлений, имеющих определенные границы своего распространения¹.

¹ Ср. В. М. Ж и р м у н с к и й, *Немецкая диалектология*, М.—Л., 1956, стр. 141.

Сопоставляя в сравнительно-историческом плане немецкий литературный язык с диалектами, мы обнаруживаем в грамматическом строе последних более последовательное и решительное, чем в письменной норме языка, осуществление присущих им общих тенденций развития. Это обусловлено прежде всего особенностями развития диалектов как живых народных говоров, не скованных рамками письменной традиции, имеющей тенденцию к твердой фиксации и консервации грамматической структуры языка.

*

Система имени существительного в немецких диалектах, рассмотрению которой посвящена настоящая статья, развивается в том же направлении, что и система имени в литературном немецком языке, в силу общности и единства тенденций и внутренних закономерностей их исторического развития. Эти общие тенденции и закономерности развития сводятся в системе имени к следующим основным процессам:

1) к стиранию и унификации падежной флексии имени существительного в результате взаимодействия фонетической редукции безударных окончаний и процесса грамматической аналогии;

2) к использованию для выражения падежных отношений в именной группе дифференцированных падежных окончаний артикля, атрибутивного местоимения или прилагательного сильного склонения;

3) к широкому использованию для выражения синтаксических функций имени существительного предложных конструкций;

4) к четкому флективному оформлению множественного числа существительных с тенденцией к закреплению определенных типов его образования за грамматическим родом.

Характерное для большинства немецких диалектов более последовательное, чем в литературном языке, осуществление этих общих тенденций находит свое выражение в следующих специфических чертах:

1) в более полном и последовательном стирании и унификации падежной флексии имени существительного и в почти повсеместном отмирании категории генитива;

2) в более широком переносе выражения падежной дифференциации в целом ряде диалектов на артикли, атрибутивные местоимения и прилагательные (главным образом в чисто падежных, беспредложных конструкциях); однако и в сфере этого аналитического оформления падежей для ряда диалектов характерна тенденция к нивелировке падежных окончаний и к стиранию различий между номинативом и аккузативом или между аккузативом и дативом (главным образом в предложных конструкциях);

3) в более интенсивном развитии конкурирующих предложных конструкций и описательных оборотов (типа possessивной конструкции с притяжательным местоимением) как лексических средств, параллельно сосуществующих с падежами и частично вытесняющих падежную дифференциацию; при этом, в связи с тенденцией к падежной омонимии, большее значение приобретает также твердая фиксация порядка слов в предложении;

4) в более последовательном и широком использовании как внутренней, так и внешней флексии в качестве показателя множественного числа. Ведущей тенденцией продолжает оставаться стремление к четкому морфологическому противопоставлению множественного числа единственному и к обобщению его признаков по категории грамматического рода. Многообразие типов образования множественного числа дифференцируется по диалектам в соответствии со спецификой их фонетической и морфологической системы.

Эти тенденции, свойственные в той или иной степени всем немецким диалектам и свидетельствующие об общности внутренних закономерностей развития их морфологической системы, реализуются в разных диалектах по-разному, проявляясь в тех или иных частных структурных особенностях.

*

В области склонения имени существительного наиболее общей чертой для преобладающего большинства немецких диалектов является отмирание категории родительного падежа, который раньше других падежей подвергается вытеснению и замене описательными и предложными конструкциями. Это свидетельствует о неравномерности процесса распада старой падежной системы и об отмирании в первую очередь менее продуктивных и менее стойких в функциональном отношении падежей.

Судьба генитива в немецких говорах (как, правда, частично и в современном литературном немецком языке) представляет собой процесс раннего вытеснения его другими более стойкими падежами (особенно дативом) и главным образом описательными и предложными конструкциями¹. При этом мы обнаруживаем различия в интенсивности указанного процесса как между отдельными диалектами, т. е. в территориальном отношении (пережиточное сохранение категории генитива в реликтовых районах юга немецкой языковой области), так и внутри этих диалектов в зависимости от сферы функционирования генитива (наибольшая его устойчивость наблюдается в узкой сфере посессивных отношений лица, а интенсивное вытеснение — в аблативной и партитивной функции и в приглагольном употреблении).

Характерная для абсолютного большинства диалектов общность заменяющих генитив конструкций (особенно предложной с *von*) и общность сфер их употребления сочетается с частными различиями в их оформлении в зависимости от специфики грамматического строя того или иного диалекта. Так, посессивная конструкция с притяжательным местоимением выступает в пяти дифференцированных формах: 1) посессивного генитива, подкрепленного притяжательным местоимением (тип: *'s Vaters sein Haus*), 2) посессивного датива (тип: *dem Vater sein Haus*), 3) посессивного аккузатива-датива (тип: *den Vater sein Haus*; но: *der Frau ihr Sohn*), 4) посессивного аккузатива (тип: *den Vater sin Hüs, die Frau ihr Sohn*) и 5) посессивного «общего падежа» (тип: *de Vater sin Hüs*). Общая тенденция реализуется в различных территориально дифференцированных формах, обусловленных спецификой фонетической системы и морфологического строя того или иного диалекта.

С отмиранием генитива в абсолютном большинстве немецких говоров и с заменой его различными описательными конструкциями система склонения большей части немецких диалектов охватывает категории двух или трех падежей в зависимости от того, сохраняется ли падежная дифференциация между дативом и аккузативом и между аккузативом и номинативом. Эти падежи оказываются более стойкими в функциональном отношении, чем генитив. Однако в большинстве немецких диалектов они подчиняются общей тенденции к распаду и унификации падежной флексии в связи с процессами фонетической редукции и аналогии, с переносом роли падежной дифференциации на артикли и с развитием системы предложных конструкций, заменяющих падежи.

¹ Более подробную разработку этого вопроса см. в моей диссертации (С. А. Миронов, Развитие анализа в системе склонения немецких диалектов. Канд. диссерт., Л., 1940). См. также замечания В. М. Жирмунского в его «Немецкой диалектологии» (стр. 399—402).

Из флексий имени существительного в диалектах пережиточно сохраняются лишь окончания датива единственного и множественного числа *e* и *(e)n* и окончания косвенных падежей единственного числа слабого склонения мужского и среднего рода *-e* и *-e(n)*. Основным средством падежной дифференциации становятся артикли, а наряду с ними и другие местоименные показатели и сильные прилагательные, выступающие в атрибутивной функции.

В отношении развития категории датива в немецких диалектах можно наметить три территориально дифференцированные ведущие тенденции:

1) сохранение категории датива с преимущественным использованием флективных средств его выражения [с флексией *-e* в единственном числе, главным образом в односложных существительных мужского и среднего рода сильного склонения, и с флексией *-(e)n* во множественном числе всех родов] при наличии в ряде диалектов одновременной тенденции к стиранию падежных различий между дативом и аккузативом в артикле и других местоименных показателях;

2) сохранение категории датива с преимущественным использованием аналитических средств его выражения (артиклей и других показателей) при наличии более или менее последовательной тенденции к устранению его флексии в единственном и множественном числе в результате процессов фонетической редукции и выравнивания по аналогии;

3) утрата категории датива в результате его смешения и формального совпадения с аккузативом — как в артикле и других местоименных показателях, так и в имени существительном.

Первая тенденция характерна для ряда нижнегерманских диалектов (в частности, южновестфальского и южноостфальского), для восточносреднегерманских говоров (северных тюрингских и верхнесаксонских) и для некоторых южнобаварских диалектов, а в отношении флексии датива множественного числа также и для южномозельского, нижнегессенского, частично — для эльзасских и швейцарских говоров и особенно для восточнофранкского, юго-западного тюрингского и севернобаварских диалектов с их «потенцированными» формами датива [типа: *neglnä(n)* «Nägeln», *khelwernä(n)* «Kälbern», *tsaitnä(n)* «Zeiten» и т. п.].

Различие сфер распространения флексии единственного числа *-e* и флексии множественного *-e(n)* обусловлено неполным совпадением областей редукции конечных *-e* и *-n* в немецких диалектах. Характерно, однако, что в ряде диалектов, утрачивающих флексию датива в единственном числе, но сохраняющих ее во множественном, датив единственного числа все же выделяется при помощи различий в акцентуации, в долготе или качестве гласного корня или в качестве конечного согласного, вызванных противопоставлением двусложных и односложных форм слова. Ср., например: нижнегессенск. им.-вин. *wäk* «Weg», дат. *wäh*¹; южнотюрингск. им.-вин. *duirf* «Dorf», дат. *dorf* и т. п.²

Здесь, при невозможности использования флексии как падежного признака, дифференцирующими средствами становятся вторичные чередования звуков, приобретающие грамматическое значение. Сохранению и даже некоторому развитию флексии датива в вышеупомянутых говорах способствовали, несомненно, фонетические предпосылки, именно: свойст-

¹ См. H. Re is, Die Mundarten des Großherzogtums Hessen, «Zeitschrift für deutsche Mundarten», Jg. 1909, Heft 4, стр. 304. (Примеры из немецких диалектов в данной статье приводятся частично из диалектологических текстов, прилагаемых к ряду специальных монографий, а в некоторых случаях заимствованы из работ немецких диалектологов.)

² См. K. Reg el, Die Ruhlaer Mundart, Weimar, 1868, стр. 88.

венная этим говорам относительная стойкость конечных *-e* и *-n*. В этих разнородных, территориально разобщенных диалектах обнаруживаются общие закономерности, проявляющиеся в борьбе двух противоположных тенденций. С одной стороны, это намечающаяся тенденция к стиранию надежных различий между дативом и аккузативом, захватывающая флексии артикля мужского рода (*dem* > *den*) и множественного числа всех родов (*den* > *de*)¹. С другой стороны, это тенденция сохранить формальное обозначение датива в силу его неутраченной функциональной значимости при помощи более устойчивой в данных диалектах флексии. Процесс этот может иметь различное происхождение. Он может носить вполне самостоятельный спонтанный характер (как, например, в севернобаварских диалектах) или же быть обусловленным смешанным характером диалекта (как, например, в восточно-среднемецких говорах), раскрываясь как противоречивое взаимодействие нижнемецкой специфики (смещение датива с аккузативом) с верхнемецкой (четкое разграничение обоих падежей).

Вторая тенденция свойственна преимущественно западно-среднемецким диалектам (частично среднефранкскому, рейнскофранкскому), а из южномецких диалектов (Oberdeutsch) — южнофранкскому, частично восточнофранкскому, швабскому и отчасти баварскому, эльзасским и швейцарским диалектам. Это диалекты, весьма интенсивно отбрасывающие флексию датива, а именно: конечное неударное *-e* и, в меньшей степени, *-n*, но сохраняющие более или менее четкие падежные различия в артикле или даже создающие на его базе новые формы падежной дифференциации (ср., например, аналитические показатели *em*, *ete*, *enge*, *an* или *in* в алеманских, а также в южнобаварских диалектах).

Характерно, что употребление этих новообразований типа предложных конструкций не ограничивается существительными мужского и среднего рода (при которых они первоначально возникли из стяженной падежной формы артикля), а распространяется как на существительные женского рода, так и на формы множественного числа. Ср., например, южно-австр. *i foter* «dem Vater», *i der mueter* «der Mutter»², *i dā läit* или *en dā läitn* «den Leuten» и т. п., что свидетельствует о переосмыслении этого показателя как особого предлога, ибо он сам уже может сочетаться с формами артикля. Тенденция к грамматикализации и универсализации указанных форм как признаков датива именно в беспредложных конструкциях свидетельствует о четком сохранении в этих диалектах функции датива как падежа личного косвенного дополнения³. Показательно также, что тенденция эта свойственна не только алеманским, но частично и баварским говорам, где она проявляется как аналогичный, но самостоятельно возникший процесс. Как видно из приведенных примеров, здесь тоже намечается тенденция к стиранию надежных различий в артикле, причем, главным образом, во множественном числе, где преобладает стремление закрепить четкий и унифицированный признак множественности. Особенно интенсивно флексия датива множественного числа стирается в предложных конструкциях, где значение падежа быстрее утрачивается. Ср., например, швабск.: дат. *denä läit* «den Leuten», им.-вин. *die läit* «die Leute», но: *mit dā hend* «mit den Händen», *uf dā benk* «auf den Bänken» и т. п.

¹ О неполной реализации этой тенденции свидетельствует четко оформленное разграничение указанных падежей в артикле женского и среднего рода (*der* — *die*, *den* < *dem* — *das*).

² См. J. Schatz, Die Mundart von Imst, Strassburg, 1897, стр. 159.

³ Ср. аналогичное обобщенное употребление предлога *aan* в голландских диалектах (например, брабантско-антверп. *ōn U zyster* «Вашей сестре»), а также предлога *vir* в бургском языке (ср. *Jan slaan vir Piet* «Ян бьет Пята») для выражения личного, как прямого, так и косвенного объекта.

В большинстве говоров, ликвидирующих флективный показатель датива, устраняются также различные качественные и количественные изменения гласных и согласных корня, возникшие в двусложных формах датива или явившиеся следствием отпадения *-e* датива. Весьма показательно, однако, что в аналогичных двусложных формах множественного числа никакого выравнивания не происходит. Качественные или количественные различия используются здесь как признак множественного числа. Так, например, в диалекте Нюрнберга в словах типа *Tisch* датив единственного числа, имеющий краткое *i* (*tiš*), унифицируется в количественном отношении с формами номинатива-аккузатива единственного числа, имеющими долгое *i* (*tīš*), тогда как во множественном числе краткость гласного сохраняется как единственный (при отсутствии флексии и умлаута) признак множественности¹. Аналогичной унификации подвергаются также и качественно измененные в дативе согласные корня.

Третья тенденция — смешение датива с аккузативом — является старой нижненемецкой особенностью, характеризующей (за исключением говоров, сохраняющих флективный датив) целый ряд диалектов северной Германии, главным образом нижнефранкский, северносаксонский, северно-вестфальский, шлезвигский, мекленбургский и бранденбургский. Это же явление свойственно и нижнефранкским в своей основе нидерландским диалектам, последовательно утратившим различие между дативом и аккузативом. Флексия датива отпадает в связи с редукцией конечных *-e* и *-n* в большинстве этих диалектов. Ликвидируются также различия между дативом и аккузативом в артикле, не только мужского, но также женского и среднего рода. Побеждает обычно форма аккузатива. Ср., например, *uut de karken* «aus der Kirche», *uut dat huus* «aus dem Hause» (Бремен)²; *upt feld* «auf dem Felde» (Эмсланд)³; *bi-t für* «beim Feuer» (Мюнстер)⁴; *mid id pēad* «mit dem Pferde», *bī dā frū* «bei der Frau» (Шлезвиг)⁵; *utdit Holt* «aus dem Holze» (Мекленбург)⁶; *ant vopter* «am Wasser» (Ноймарк)⁷ и т. п. Аккузатив вытесняет датив в артикле также сперва в предложных конструкциях и прежде всего во множественном числе, где этому способствует целый ряд факторов (стремление к унифицированному признаку множественного числа, отсутствие здесь родовой дифференциации, более частое употребление предлогов).

Итак, основной морфолого-синтаксической спецификой большинства нижненемецких диалектов является функциональное и формальное неразличение датива и аккузатива, противостоящее более или менее четкой их дифференциации в верхненемецких диалектах. Однако и здесь, как мы видели, прокладывает себе путь аналогичная тенденция (правда, только в артикле мужского рода и в предложных оборотах). Она развивается в смешанных восточно-средненемецких говорах как один из признаков нижненемецкого диалектального субстрата и в ряде баварско-австрийских диалектов как вполне самостоятельный, фонетически подержанный процесс, свидетельствующий о зарождающемся функциональном смешении обеих парадигм в сочетании с ярко выраженными противоположными тенденциями.

¹ См. A. Gebhardt, *Grammatik der nürnbergiger Mundart*, Leipzig, 1907, стр. 249.

² См. W. Neumann, *Das bremische Plattdeutsch*, Bremen, 1909, стр. 154.

³ См. H. Schönhoff, *Emsländische Grammatik*, Heidelberg, 1908, стр. 181.

⁴ См. H. Grimm, *Plattdeutsche Mundarten*, Berlin — Leipzig, 1922, стр. 117.

⁵ См. K. N. Bock, *Niederdeutsch auf dänischem Substrat*, Kopenhagen — Marburg, 1933, стр. 294—295.

⁶ См. O. Weise, *Zu Reuters Syntax*, «Zeitschrift für deutsche Mundarten», Jg. 1910, Heft 4, Berlin, 1910, стр. 301.

⁷ См. H. Teuchert, *Laut- und Flexionslehre der neumärkischen Mundart*, «Zeitschrift für deutsche Mundarten», Jg. 1908, Heft 1, стр. 53.

Интересно, что в некоторых диалектах, смешивающих оба падежа, обнаруживается тенденция к разграничению их форм в беспредложных и предложных конструкциях. Так, в диалектах Фогтланда и саксонских Рудных гор форма аккузатива сохраняется в беспредложных словосочетаниях (в функции прямого дополнения), тогда как в предложных конструкциях в женском и среднем роде побеждают формы датива [ср. в говоре саксонских Рудных гор: *dorch'n Fenster* «durch das Fenster», *ufn Dach* «auf das Dach», *ufdr Post* «auf die Post», *indr Kirche* «in die Kirche»¹].

Процессу стирания падежных различий способствует неудачное положение артикля в сочетаниях с предлогами, ведущее к его стяжению и деформации в результате различных ассимиляторных процессов. Ср., например, застывший, полностью нейтрализованный рудимент артикля в предложных сочетаниях говора Шлезвига: *in vinda* «im Winter», *in omd* «in den Ofen», *in lufd* «in der Luft»². Рудимент *e* [ə], присоединяемый к предлогу, полностью обесмыслен и лишен как падежных, так (в данном случае) и родовых признаков.

Случаи полного растворения артикля в предлоге встречаются и в других диалектах: Ср., например: восточнопфейц. *in den bach* > *inn bach* > *in bach* > *i bach* «in den Bach»³; южнобав. *fu der mueter* > *fur muetar* «von der Mutter»; *auf den tisch* > *aufn tisch*⁴.

Смешение падежей артикля при предлоге происходит не однородным путем. С одной стороны, оно может быть результатом спонтанного процесса фонетической редукции, как, например, смешение датива с аккузативом в артикле мужского рода в гессенск. *ufm tisch* > *ufn tisch*. С другой стороны, это может происходить в результате процессов аналогизации, замены одной падежной формы артикля другой. Ср., например: пфевз. *in der lufd* > *in d' lufd* > *in lufd* «in der Luft»; северновестф. *upm feld* > *upn feld* > *upt feld* «auf dem Felde». В среднем роде процесс вытеснения датива аккузативом протекал, по-видимому, наиболее сложно и был осуществлен наиболее поздно. Наблюдения показывают, что унификация падежей артикля и стирание падежных признаков происходит прежде всего при предлогах с локальным значением (*an*, *auf*, *in*, *über*, *unter* и т. п.), требующих двойного управления. Единый для всех диалектов процесс ослабления функций падежей в предложных конструкциях протекает в двух направлениях. С одной стороны, он ведет к интенсивному стиранию падежной дифференциации в живых предложных оборотах (преимущественно с двойным управлением), с другой—способствует частичному закреплению уже обесмысленной флексии в ряде застывших предложных конструкций с дативом (или аккузативом).

Показательна также судьба флексии *-en* датива-аккузатива существительных мужского рода слабого склонения в различных диалектах. Несмотря на довольно пеструю картину, обнаруживаемую как в нижненемецких, так и в верхненемецких говорах в отношении сохранения или ликвидации этой флексии, ведущей тенденцией во многих из них является все же стремление к противопоставлению форм единственного и множественного числа и к выравниванию падежных форм внутри единственного числа (или по номинативу, или по косвенным падежам). Конкретные пути реализации этой тенденции в разных диалектах зависят от фонетико-морфологических особенностей системы того или иного диалекта.

¹ E. Goepfert, Die Mundart des sächsischen Erzgebirges, Leipzig, 1878, стр. 72.

² См. К. Н. В о с к, указ. соч., стр. 294.

³ См. J. W i n t e l e r, Die Kerenzer Mundart des Kantons Glarus in ihren Grundzügen dargestellt, Leipzig und Heidelberg, 1876, стр. 191.

⁴ См. J. S c h a t z, указ. соч., стр. 120, 159.

*

С двумя указанными основными путями выравнивания падежных различий в единственном числе существительных слабого склонения явно перекликается характерная для ряда нижненемецких и верхненемецких диалектов унификация номинатива с аккузативом в артикле, в атрибутивных местоимениях и прилагательных мужского рода. Эта унификация проявляется также в двух вариантах:

1. Вытеснение формы номинатива аккузативом (*de* > *den*), свойственное ряду нижненемецких диалектов (в частности, нижнефранкскому, мекленбургскому, частично нижнесаксонскому), а также средненемецкому мозельско-франкскому говору. Ср., например, нижнефранкск. *dən dōwəl* «der Teufel»¹, мекленб. *hei is en riken man* «er ist ein reicher Mann»², мозельско-франкск. *den Aabel fällt nōt weit vom Baam* «der Apfel fällt nicht weit vom Baum»³.

2. Замена формы аккузатива номинативом (*den* > *der*, так называемый «рейнский аккузатив»), характерная для ряда верхненемецких диалектов (главным образом алеманских и частично рейнско-франкских и рипуарских). Ср., например, швейц. *er springt ūm dər štāi ūmā* «er springt um den Fels herum»⁴, *i ha der has k-si* «ich habe den Hasen gesehen»⁵, рипуарск. (Аахен): *ap der berg* «auf den Berg»⁶ и т. п.

Указанное явление представляет интерес опять-таки потому, что оно свойственно разным, территориально разобщенным диалектам, обнаруживающим общую тенденцию к выравниванию этого последнего формального различия между номинативом и аккузативом, тем более, что в среднем и в женском роде оба падежа уже совпадали. Различие между ними находит достаточно ясное формальное выражение в синтаксических средствах (порядок слов). Тенденция эта осуществляется разными путями, обусловленными спецификой фонетико-морфологической системы той или иной группы диалектов.

Так, в нижненемецком форма аккузатива *den* явилась более устойчивой (в силу большей стойкости конечного *-n*) и более четко дифференцирующей различия между мужским и женским родом, чем лишенная *-r* усеченная форма номинатива *de, die*, совпадающая формально с артиклем женского рода. Стремление к укреплению уже начинающей расплываться родовой дифференциации в нижненемецких диалектах способствовало закреплению более четкой формы аккузатива. Совершенно аналогичную тенденцию мы наблюдаем во фламандско-брабантских диалектах южных провинций Нидерландов, также устраняющих падежные различия в артикле мужского рода путем обобщения формы *den* для обоих падежей в целях сохранения родовой дифференциации. С другой стороны, в голландских диалектах северных провинций, с их более последовательной редукцией падежных окончаний в артикле, выравнивание падежей происходит по форме номинатива *de*, совпадающей с формой артикля женского рода⁷.

¹ См. E. M a u r m a n n, Grammatik der Mundart von Mülheim a. d. Ruhr, Leipzig, 1898, стр. 85.

² См. O. W e i s e, указ. соч., стр. 294.

³ См. J. G. B a l l a s, Beiträge zur Kenntnis der trierischen Volkssprache, Trier, 1903, стр. 48.

⁴ См. E. A b e g g, Die Mundart von Urseren, Frauenfeld, 1911, стр. 88.

⁵ См. J. W i n t e l e r, указ. соч., стр. 168.

⁶ См. R. H i l d e b r a n d, Ein wunderlicher rheinischer Accusativ, «Zeitschrift für deutsche Philologie», Bd. I, Halle, 1869, стр. 447.

⁷ Ср. C. G. N. d e V o o y s, Geschiedenis van de Nederlandse taal, Antwerpen — Groningen, 1952, стр. 75.

Следствием этого является интенсивное стирание родовой дифференциации между парадигмами склонения мужского и женского рода в этих диалектах. Сходный процесс на немецкой почве наблюдается в ряде пограничных с Данией шлезвигских говорах, а также в некоторых восточно-нижненемецких диалектах, где также побеждает форма номинатива *də* (ср. *ig hef də man sən*)¹.

По иному пути идут верхненемецкие диалекты, обнаруживающие «рейнский аккузатив». При наличии в них четкой тенденции к формальной дифференциации грамматического рода с помощью артикля выравнивание падежей происходит в этих диалектах по более четкой форме номинатива (*der*), резко отличающейся от номинатива женского рода (*die, de*), тогда как форма аккузатива мужского рода (*den*) в результате сильной редукции конечного *-n* в этих диалектах была, несомненно, менее четка и могла совпасть с неударной формой артикля женского рода (*de, d*). Весьма характерно, что в предложных конструкциях, где функция падежа стирается, в ряде алеманских говоров сохраняется старая аккузативная форма артикля с редуцированным *-n* (ср. швейц. *um də gurgöl*)².

Возникший на юге (в алеманских говорах) «рейнский аккузатив» характеризуется интенсивным распространением в северном направлении и достигает даже ринуарских говоров Кельна и Аахена; однако он все более уступает место обобщенной форме аккузатива, типичной для нижнефранкских диалектов.

*

Подводя итоги изложенному выше, можно установить три основных структурных типа в оформлении системы склонения немецких диалектов. В синхронном плане эти типы сосуществуют в современных диалектах, проявляясь в различной мере в разных говорах. Но в историческом плане они представляются в виде последовательных этапов в развитии системы склонения немецких диалектов, отражая присущие им общие тенденции развития, которые в зависимости от специфики фонетико-морфологической системы того или иного диалекта развиваются в различной степени и различными путями.

1. Сочетание флективного и аналитического способов в оформлении падежа (падежным окончанием имени существительного и флексией артикля одновременно).

Этот тип представлен как в литературном немецком языке, так и в ряде диалектов. В последних он уже в значительной степени изживается. Для такого типа характерно сохранение четырех- или трехпадежной системы склонения имени существительного.

В диалектах сохраняются при этом: а) остатки флективного генитива мужского и среднего рода сильного склонения (с флексией *-s*) в функции притяжательного падежа в сочетании с дополняющей его предложной конструкцией с *von* (в южноалеманских и частично нижненемецких диалектах); б) остатки окончаний косвенных падежей в единственном числе слабого склонения мужского и среднего рода в сочетании с дублирующей их флексией артикля (в ряде нижненемецких диалектов и частично в швабском, эльзасском, баварско-австрийском и восточно-средненемецких говорах); в) флексия датива единственного числа мужского и среднего рода или ее отражение в гласных и согласных корня или в акцентуации, а также флексия датива множественного числа всех родов в сочетании с флексией артикля, имеющей тенденцию к стиранию в ряде диалектов (частично нижненемецкие диалекты, восточно-средненемецкие, мозель-

¹ См. К. Н. В о с к, указ. соч., стр. 81, 179.

² См. Е. А в е г г, указ. соч., стр. 89.

ский, нижнегессенский, ряд швейцарских, эльзасских и баварско-австрийских диалектов). В литературном языке этот тип сохранился полностью лишь в дативе множественного числа (при наличии четких падежных признаков в артикле).

2. Сохранение только аналитического способа оформления падежей (т. е. выражение их только дифференцированным окончанием артикля при полной редукции падежной флексии существительного). Этот тип оформляется в процессе ликвидации дублирующих средств падежной дифференциации (в частности, флексии) и закрепления лишь одного падежного признака (аналитического). Данному типу свойственна трех- или двухпадежная система склонения.

Для этого типа характерно: а) полное отмирание остатков генитива и замена его посессивной конструкцией с притяжательным местоимением и предложной конструкцией с *von* (в большинстве как нижненемецких, так и верхненемецких диалектов); б) формальное различие трех падежей: номинатива, датива и аккузатива единственного числа в артикле мужского рода (как, например, в пшабском диалекте) или двух падежей при совпадении номинатива и аккузатива (в большинстве алеманских, эльзасских и частично франкских диалектов, характеризующихся «рейнским аккузативом») или при совпадении датива с аккузативом (в ряде нижненемецких диалектов); в) формальное различие датива единственного числа в артикле женского и среднего рода и частично датива множественного числа при совпадении номинатива и аккузатива (в верхненемецких диалектах).

3. Полная ликвидация формального обозначения падежа даже в артикле, связанная с его отмиранием как грамматической категории. Этот тип присущ лишь ряду нижненемецких диалектов, унифицирующих не только формы датива и аккузатива, но и стирающих различие между номинативом и аккузативом (ср., например, шлезвигский диалект, обнаруживающий полную унификацию флексий артикля не только в мужском, но также в женском и среднем роде). Артикль сохраняет здесь, и то частично, лишь функцию показателя грамматического рода. Такую же картину обнаруживает большинство голландских диалектов, полностью утративших категорию падежа в связи с несклоняемостью как артикля, так и самого существительного и стирающих даже различия между мужским и женским родом.

Дальнейшим этапом развития является характерное для английского и бурского языков полное элиминирование родовой дифференциации, наступающее в связи с ликвидацией категории среднего рода. Артикль застывает здесь в унифицированной, общей для всех родов форме (ср. бурск. *die vader, die moeder, die boek*). Для выражения синтаксических функций имени существительного используются при этом лишь описательные обороты, предложные конструкции и фиксированный порядок слов в предложении. Вряд ли подлежит сомнению, что фактор диалектного взаимодействия и языкового смешения, характерный для представляющих этот тип немецких и голландских диалектов, а также бурского языка, при общности внутренних законов их развития сыграл стимулирующую и катализирующую роль в процессе распада флексии и способствовал упрощению всей их морфологической системы.

Однако этот же структурный тип характерен и для значительно большего числа немецких диалектов в сфере предложных конструкций (главным образом с чисто пространственным значением), где предлог становится единственным средством выражения синтаксических от-

ношений и где функция падежа в значительной мере ослабляется или даже утрачивается, на что указывает вышеупомянутое стирание падежных окончаний артикля, его редукция и даже слияние его с предлогом. Этот тип сосуществует подчас с наличием более или менее четкой падежной дифференциации в беспредложных конструкциях (ср. швабск. *denä läit* «den Leuten», но: *mit dä läit* «mit den Leuten»; плезв. *de man* «den Mann», но: *ane wöch* «auf dem Wagen» и т. п.). В плезвигском диалекте образуется, следовательно, с одной стороны, унифицированная застывшая форма артикля, господствующая в беспредложных словосочетаниях или в предложных конструкциях с личным объектом, с другой — рудимент артикля, слитый с предлогом в предложных конструкциях локального характера. Здесь, даже при полной ликвидации категории падежа в диалекте, образуются две дифференцированные формы: беспредложная и предложная, что подтверждает наше положение о более раннем и последовательном стирании падежных признаков в предложных конструкциях и об особых путях развития артикля в сочетании с предлогами.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что выделение этих трех типов, отражающих последовательные ступени в развитии системы склонения различных немецких диалектов, раскрывает лишь общую картину происходящих в ней морфолого-синтаксических процессов. В связи с неравномерностью развития тех или иных сторон морфологической системы они могут сосуществовать и взаимно переплетаться в том или ином диалекте, создавая ряд переходных форм.

Итак, при наличии ряда общих закономерностей и тенденций развития системы склонения немецких диалектов, конкретная реализация этих закономерностей осуществляется специфическими путями, обусловленными особенностями их фонетико-морфологической структуры.